

РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВЕТСКОЙ ШКОЛЕ

ЖУРНАЛ ТЕОРИИ И МЕТОДИКИ
РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

*Под общей редакцией
П. И. ЛЕБЕДЕВА-ПОЛЯНСКОГО*

ВЫХОДИТ ШЕСТЬ РАЗ В ГОД

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

3

1 9 3 0

РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ

ЮБИЛЕЙНАЯ ЛИТЕРАТУРА О ЧЕХОВЕ

А. Б. Дерман. Творческий портрет Чехова. Изд. «Мир». М. 1929. Стр. 349. Ц. 2 р. 50 к., перепл. 40 к.

Чеховский сборник. Изд. «Общества А. П. Чехова и его эпохи». М. 1929. Стр. 352. Ц. 2 р. 25 к., перепл. 40 к.

Чехов и его среда. Сборник под ред. Н. Ф. Бельчикова и с предисловием Валериана Полянского. Изд. «Academia». Л. 1930. Стр. 464. Ц. 3 р. 50 к., перепл. 75 к.

Творчество Чехова сравнительно мало изучалось по принципам марксистской методологии; в сущности мы имеем только несколько статей и заметок по отдельным вопросам, нередко беглых и противоречивых. Необходимы более обстоятельные и глубокие работы, устанавливающие социальную природу чеховского творчества, определяющие его роль в русской социальной действительности 80-х, 90-х и 1900-х годов, а также выясняющие его значение для современного читателя, в частности для школы.

Можно было ожидать, что такие марксистские исследования о Чехове появятся в связи с юбилейной датой 15 июля 1929 г. (25-летие со дня смерти писателя); однако эти надежды не оправдались. Чеховская литература значительно пополнилась разного рода документальными данными; но собственно изучение этого писателя мало продвинулось вперед. Кроме нескольких статей в журналах и газетах, двух-трех популярных книжек биографического характера и работы по библиографии Чехова, в печати появились за этот юбилейный период два специальных сборника и одна монография, принадлежащая А. Б. Дерману.

Последняя книга представляет труд, написанный в общем живо и интересно, с большим фактическим знанием всех относящихся к Чехову материалов и его литературной продукции; но к сожалению этот труд задуман и выполнен в плане старых методологических взглядов и потому очень мало дает для марксистского литературоведения. На самом деле, А. Б. Дерман объясняет твердость Чехова не социально-классовым бытием, породившим известную общественную психологию, которая и нашла свое специфическое выражение в этом творчестве, а индивидуальной личностью писателя, определяемой прирожденными свойствами и биографическими фактами и лишь отчасти социальной средой.

По мнению исследователя, в жизни и писательской деятельности Чехова отразились два основных момента его личности: 1) природная дисгармония натуры и 2) стремление преодолеть в себе привитую воспитанием психологию раба. Особенное значение имеет первый момент — дисгармония, зависящая от слабости чувства, внутренней холодности, «молчания серд-

ца». Как говорит автор, эта внутренняя дисгармоничность Чехова «в значительной степени определила направление его воззрений, его работу самовоспитания, тематику его художественного творчества и самый стиль последнего» (стр. 157). Но и другой момент не менее важен: «В тематике чеховского творчества борьба с внутренним рабом занимает исключительно большое место... Огромное количество рассказов Чехова целиком посвящено обличению рабской или рабовладельческой психологии, в прочих—эта тема затронута частично, но редкая вещь обходится без нее» (стр. 229).

Главное содержание книги А. Б. Дермана в том и заключается, чтобы доказать эти положения, т.-е. что творчество Чехова (тематика, существенные особенности языка и композиции) обусловлено указанными свойствами личности писателя: преодолением дисгармонии и «выдавливанием из себя по капле раба». Однако доказательства А. Дермана ни в какой мере не убедительны: замыкая всего Чехова в назначенные тематические рамки (обличение «холодного» человека и борьба с внутренним рабом) исследователь основывается, в сущности, на очень отдаленном сходстве между произведениями, оставляя без внимания их различия в отношении жанра, системы образов и связанной с этим социальной идеи.

Но допустим даже, что тезис о детерминировании чеховского творчества определенными чертами личности писателя правилен. Можно ли остановиться на этом? Очевидно, нет. Ведь сама личность писателя обусловлена классовым бытием, и указанные черты ее должны быть поняты и истолкованы как свойства той общественной психологии, выразителем которой был Чехов. А. Б. Дерман не может вступить на путь такого истолкования писателя, так как это значило бы стать марксистом и рассматривать литературу как социальное явление. А для него литература определяется не социальной действительностью, не классовой борьбой (и следовательно, в конечном счете, не развитием производительных сил), а биологическими свойствами личности, которые только подвергаются известному воздействию общественной среды. В одном месте своей работы он прямо говорит, что «губительный дух этой полосы русской жизни (т.-е. эпохи 80-х гг.) вошел ингредиентом в состав натуры самого Чехова, усилил степень его природного душевного бессилия, углубил дисгармонию его природы» (стр. 187. Подчеркнуто мною.—С. Ш.). Ясно, что с такой общей концепцией нельзя притти к сколько-нибудь удовлетворительным результатам.

В книге А. Б. Дермана наиболее интересна глава X, говорящая о стилистике и

композиции чеховских произведений. Здесь много тонких, частью оригинальных и в общем правильных наблюдений. Но объясняет их автор все теми же основными свойствами личности писателя, и потому он еще более беспомощен здесь, чем при анализе тематики. Так, из стремления Чехова преодолеть внутренний холод выводится его лирическая манера, а из борьбы с рабской психологией — отталкивание от литературных шаблонов и вытекающая отсюда новизна, а дальше и простота в области речевого стиля и композиции. Все это совершенно неубедительно. Прежде всего непонятно, как может лиризм вырасти на почве душевного холода. Если же это только художественная подделка лиризма — строго рассчитанная и искусственная трогательность и задушевность, то как могли эти напускные чувства волновать читателя, эмоционально заражать его? Исследователь говорит: «Чехов передавал то, что сам не испытывал. И вот чудо: в сильнейшей степени, как мало кто из писателей, он «заражал» своим искусством и самого Толстого, оставаясь свободным от микроба заразы» (стр. 243). На это приходится ответить, что чудес ни в литературе, ни в жизни не бывает, что лиризм Чехова был подлинный, и причину его следует искать не в биологической, а в социальной природе писателя.

Ничего в сущности не объясняет в художественной манере Чехова и подчеркиваемый А. Б. Дерманом момент борьбы его с литературными шаблонами. Этот момент мог вызвать необходимость новых форм и приемов, но он совсем не указывает конкретных признаков, на которых должно строиться это новое. Ведь нельзя же считать такими признаками следующие устанавливаемые автором черты чеховского стиля: Чехов «противопоставлял изысканности — простоту, гладкости — намеренную «неуклюжесть», свободную небрежность, литературности сравнений — смелость их, «разъяснениям» — импрессионистический лаконизм» (стр. 255). На самом деле, что собственно значат эти черты — простота, небрежность, смелость, лаконизм? Необходимо раскрыть смысл этих понятий, вложить в них определенное содержание, а этого никак не сделаешь, исходя из простого факта отталкивания писателя от старых шаблонов. Без сомнения, явное бессилие здесь автора зависит от неприятия им основного марксистского положения, что формальные приемы вместе с остальными элементами творчества детерминируются социально-классовой психологией. «Особенности художественного творчества всякой данной эпохи, — говорит Пеханов, — всегда находятся в самой тесной причинной связи с тем общественным настроением, которое в нем выражается» («Сочинения», т. XIV, стр. 189).

Итак, А. Б. Дерман дал в своей книге

ряд ценных наблюдений и указаний фактического характера, но он всецело стоит на старых, до-марксистских методологических позициях, считая, что литература обуславливается не социальным бытием, а личностью (биологической и биографической) писателя. Конечно, современной науке (а следовательно, и современной школе) с этим безнадежно устарелым, в своей сущности идеалистическим взглядом нечего делать.

* * *

Чеховский сборник, изданный «Обществом А. П. Чехова и его эпохи», отличается большим разнообразием и даже пестротой своего состава. Несомненную ценность имеет напечатанный здесь документальный материал (вновь найденные произведения Чехова, неизданные письма его); полезны также и все сообщения фактического характера (статьи М. П. Чехова, С. Д. Балухатого, Г. И. Гуревича); специалистам безусловно нужны и библиографический указатель, составленный Ю. Соболевым. Совсем другое приходится сказать о статьях, посвященных отдельным вопросам чеховского творчества: они очень мало дают и специалисту и рядовому читателю. Случайный подбор тем, не всегда научная разработка их, нередкие противоречия между участниками сборника. Особенно неудовлетворительны эти статьи в методологическом отношении; отсутствует строго марксистский подход к литературным явлениям, нередко факты только указываются, а социальная природа их остается невыясненной. Кое-что спорно или даже прямо неприемлемо в самых наблюдениях над жизнью писателя и его творчеством.

Так, Б. И. Сыромятников в своих двух статьях («А. П. Чехов и русская интеллигенция», «Чехов в своих пьесах и на сцене») старается противопоставить Чехова современной ему интеллигенции. Писатель был жизнерадостен, бодр, любил жизнь и нашел в ней свое место, а интеллигенция — люди хмурые, тоскующие, безвольные, опустившиеся, ненужные для жизни «нытики». Поэтому получилось странное недоразумение: пьесы Чехова в своем существе — веселые комедии, но интеллигенция воспринимала их как тяжелые драмы. «Здоровый смех Чехова прозвучал резким диссонансом в атмосфере неизжитых еще настроений народнической аскезы и тяжелого кризиса народнической идеологии» (стр. 222). Эти взгляды не могут не вызвать самого решительного отпора. Нельзя отрывать Чехова от социальной действительности, а нужно указать его место в ней. Он был идеологом известной части разночинной интеллигенции того времени, и противопоставлять его можно только другой части этой интеллигенции. Автор должен был остановиться на вопросе о классовой дифференциации интеллигенции, а не рассматривать

ее как что-то единое, цельное. В результате получилось нечто удивительное. Чехов — социальный одиночка, весело смеющийся над уродливостью жизни, а интеллигенция, читая его, умиляется и плачет (!). Да и самая жизнерадостность чеховского творчества, устанавливаемая Б. И. Сыромятниковым, едва ли может быть принята. Какая же это была «веселая» социальная группа 80-90-х гг., которую выражал Чехов? А потом: как это читатели могли принять веселое за грустное? Кроме того, ряд исследователей указывал, что основной эмоциональный тон произведений Чехова — глубокая лирическая грусть, а не жизнерадостный смех.

Н. К. Пиксанов подметил интересный факт творчества Чехова — наличие в его произведениях особого рода романтического героя, и довольно живо рассказал об этом факте в своей статье («Романтический герой в творчестве Чехова»). К сожалению, автор не дал здесь необходимого социологического комментария. Остается непонятным, почему известный романтический образ владел писателем в течение десяти лет, представляя «как бы прорыв в его творчестве». Указание на то, что подобное явление мы наблюдаем и у других художников слова, например, у Лермонтова и Толстого, ничего не объясняет. Следовало бы обратиться к социальному бытию, породившему того или другого писателя, и здесь искать объяснения противоречий, «прорывов» в его писательской работе.

То же приходится сказать и о статье И. Н. Кубикова («Палата № 6 в развитии творчества Чехова»), в которой анализируется известный факт некоторого перелома в творческой деятельности Чехова, когда он отказался от прежнего «общественного безразличия». И здесь подлинная причина отмеченного явления осталась невыясненной, так как не осмыслен художественно-идеологический рост писателя в связи с социально-классовыми отношениями его эпохи. Но автор статьи уделяет большее внимание личности писателя и его биографии, чем диалектически развивающейся социальной действительности, определившей и диалектику его творчества.

В плане индивидуальных переживаний Чехова (в связи с его биографией) написана обстоятельная статья П. С. Попова — о генезисе повести «Три года». Работа проделана здесь большая, но указанная установка делает ее почти ненужной для современной науки о литературе. Что касается статьи А. Б. Дермана «Раннее творчество Чехова», то она является в сущности особой редакцией 3-й главы разобранной выше книги и разделяет вместе с последней все ее недостатки, устарелые методические принципы.

Мы видим, что раздел исследовательских статей «Чеховского сборника», действительно, не вносит почти ничего положительного в марксистскую литературу о

Чехове. Этим определяется малая пригодность сборника для школы, для преподавателя-словесника (только как собрание материалов и разного рода фактических данных).

* * *

Другой сборник — «Чехов и его среда» (под ред. Н. Ф. Бельчикова) — является менее пестрым по своему составу. Почти половину его занимает интересная работа С. Д. Балухатого — «Библиотека Чехова». Здесь дан алфавитный перечень книг с автографами Чехова или с преподносимыми ему надписями, а также книг без авторских пометок и надписей, но хранившихся в кабинете Чехова. Конечно эта работа не для широкого читателя, а для специалистов, которым она окажет несомненную помощь при изучении жизни и творчества Чехова, а также при исследовании литературной среды, которая его окружала. Некоторую ценность имеют и публикуемые здесь материалы: неизвестный рассказ Чехова, его письма к К. С. Баранцевичу и другим лицам, а также дневник его отца.

В сборнике находятся всего две статьи исследовательского характера, из которых основной можно считать первую, написанную И. С. Ежовым — «Литературные взгляды Чехова». В этой статье подробно излагаются и анализируются теоретические высказывания Чехова о художественном творчестве и литературе, причем сначала устанавливаются основные черты его мирозерцания (материализм, атеизм, индивидуализм, социальный подход к писателю и др.), а уже в связи с этим определяются и его литературные взгляды. Особенно важно отметить, что Чехов берется здесь как писатель-разночинец, противопоставляющий себя писателю-дворянину, а мирозерцание Чехова рассматривается как идеология определенной социальной группы 80-и 90-х гг. (известной части разночинной, мелкобуржуазной интеллигенции). Однако в некоторых местах своей статьи И. С. Ежов как будто сбивается с этого правильного марксистского пути, утверждая, что Чехов — «великий культурный одиночка», что «он не находил класса, с которым он ощущал бы себя солидарным: рабочего он не знал, в мужика не верил, интеллигенцию и буржуазию презирал» (стр. 44). Конечно это социальное «одиночество», связанное с незнанием рабочего, с неверием в мужика и презрением к интеллигенции и буржуазии, характеризовало не одного Чехова, а целую интеллигентскую прослойку, вырабатываемую которой он и был — объективно, хотя субъективно он мог себя считать чуждым всем классам и группам своего времени.

Эта недостаточная четкость основной социологической линии статьи имеет некоторую связь с другим ее недостатком, на который указывает Валерий Полянский в предисловии к данному сборнику: это —

оторванность теоретических взглядов Чехова от его художественной практики, от его творчества. Система общественных и литературных взглядов Чехова выводится на основании литературно-исторического и биографического материала, главным образом на основании его писем к друзьям: а художественные произведения, выражающие не только мирозерцание, но и мироощущение писателя, остаются в стороне. Между тем для писателя художественная идеология имеет большее значение, чем не художественная (рациональная), особенно важна ее роль при установлении социально-классовой природы его.

В статье Н. Ф. Бельчикова «Неизвестный опыт научной работы Чехова» обстоятельно рассказывается о попытке Чехова написать историю медицины в России. Писатель собрал много материалов, сделал ряд выписок из разных источников — и этим наметил пути своей исследовательской работы. Хотя она осталась невыполненной, но в подготовке к ней Чехов достаточно выявил свои приемы исследования. Н. Ф. Бельчиков устанавливает связь этих приемов с художественным методом Чехо-

ва. Это очень важное наблюдение, так как оно свидетельствует о единстве личности писателя (научной и художественной) — единстве, детерминированном единым (в своих противоречиях) бытием определенной социальной группы.

Обе статьи сборника — «Чехов и его среда» представляют интерес не только для специалистов-литературоведов, — их (особенно первую) с пользой для себя прочтет и просвещенец-словесник, и учащийся старших курсов и групп.

* * *

Заканчивая разбор юбилейной литературы о Чехове, следует еще раз указать, что этот писатель ждет специальной большой работы, построенной по методу диалектического материализма (марксизма-ленинизма). Указанные выше два сборника и монография А. Б. Дермана дадут лишь известный материал для этой будущей работы. Заменить же ее они ни в какой мере не могут, так как они идут, в общем, вне русла строгой марксистской мысли, — по извилистым путям эклектизма и чисто го идеализма.

С. Шувалов